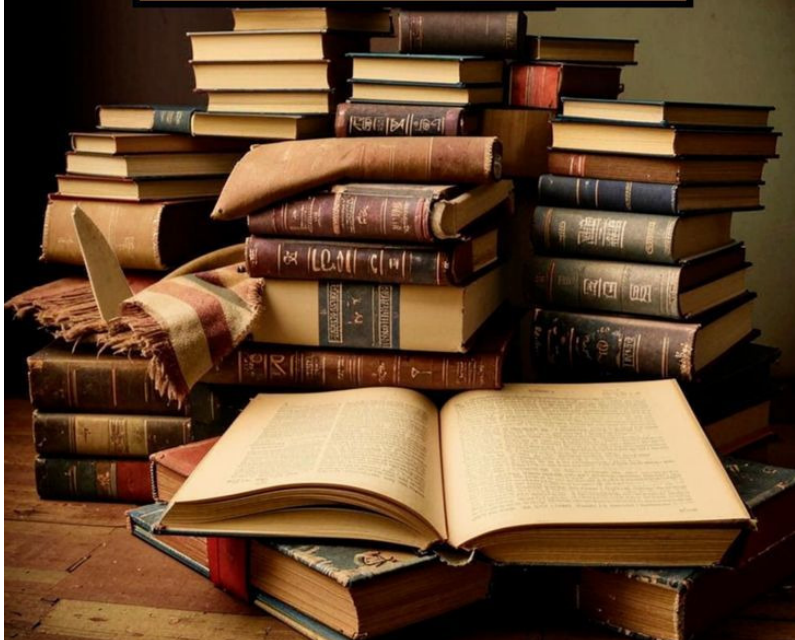

18+ НИКОЛАЙ ЯКОВЛЕВИЧ
НАДЕЖДИН

Марк Твен. Послевоенная Америка

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ
О БОЛЬШОМ УСПЕХЕ

Николай Яковлевич Надеждин

Марк Твен. Послевоенная Америка. Маленькие рассказы о большом успехе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70994944

ISBN 9785006441682

Аннотация

Марк Твен или Сэмюэл Клеменс (так звали его по-настоящему) был великим писателем, настоящим юмористом и первым из наиболее удачливых литераторов Америки. Он поднялся на волне Гражданской войны, вместе со всей страной добился небывалых успехов, написал великие романы (чего стоят те же «Похождения Гекльберри Финна», сегодня эта книга читается точно также, как и сто лет назад – запоем). В судьбе Марка Твена были и большие заслуги, и существенные коммерческие провалы.

Содержание

Марк	6
Послевоенная Америка	7
2024	8
Введение	9
1. Автограф	11
2. Кто такие «простаки»?	13
3. Старый боцман	15
4. Вся жизнь – путешествие	17
5. Клерикалы и атеист	19
6. Его «миллионы»	21
7. Пополнение в семействе Клеменс	23
8. Ганнибал	25
9. Без отца	27
10. Ученик наборщика	29
11. Первая газета	31
12. Бостонская публикация	33
13. Ветер странствий	35
14. Заметки со всего света	37
15. Лоцман Биксби	39
16. Бедный Генри	41
17. Лоцман-корреспондент	43
18. Юг и Север	45
19. Гражданская война	47

20. Ополчение	49
21. Невада	51
22. Серебряный прииск	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Марк Твен.
Послевоенная Америка
Маленькие рассказы
о большом успехе
Николай Яковлевич
Надеждин

© Николай Яковлевич Надеждин, 2024

ISBN 978-5-0064-4168-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Николай Надеждин

«Маленькие рассказы о большом успехе»

Марк Твен

Послевоенная Америка

2024

Введение

Возможно, «Приключения Гекльберри Финна» – лучшая книга всех времён и народов. С этим можно, конечно, спорить – до той поры, пока ни возьмёшь эту книжку в руки, ни раскроешь на любой странице и в сотый раз ни прочитаешь главку о путешествии на плоту по водам великой реки Миссисипи.

Возможно, Марк Твен – самый выдающийся юморист, которого только породила матушка Природа. С этим тоже можно спорить – опять же до той поры, пока ни раскроешь книгу его ранних рассказов и ни перечитаешь одну из уморительных историй американского «Дальнего Запада».

Возможно, без путевых очерков Твена этот жанр не существовал бы вовсе. И это утверждение вызывает определённые сомнения – пока ни откроешь его «Простаков» и ни убедишься лично, что впечатления полуторавековой давности остаются актуальными по сей день.

Но бесспорно то, что Марк Твен – одна из самых узнаваемых, самых популярных фигур мировой литературы. Вряд ли сыщется на свете хоть один человек (среди тех, конечно, кто умеет читать), который не знал бы этого имени и который не прочитал хотя бы одну книжку Твена.

А как он жил. А каким был другом. А как умел любить. Каким был отцом...

Неужели... святой? Да что вы, он даже в бога не верил!
Нет, самый обычный человек. Только безумно талантливый.
И никогда не позволявший себе лгать даже по пустякам.

1. Автограф

Это случилось в Нью-Йорке – летом 1869 года. Возле небольшого магазина «Клифф», торгующего канцелярскими товарами и книгами, прямо на мостовой, под палящими лучами полуденного июльского солнца терпеливо переминались с ноги на ногу около полусотни горожан. Замыкающий очередь человек с белой шкиперской бородкой, обрамлявшей обветренное красное лицо, и в потёртом флотском кителе угрюмо жевал потухшую кукурузную трубку.

Внезапно за его спиной раздался хриплый голос:

– Билли Хоккинс! Ты что здесь делаешь?

Человек обернулся и просиял, показывая прокуренные жёлтые зубы, которых оказалось намного меньше, чем можно было ожидать.

– Гарри, приятель!

– Что здесь дают, Билли? Капли от насморка? Или бесплатные костыли?

– Ты не поверишь, – улыбнулся Билли Хоккинс. – Я стою за книжкой.

– За книжкой? Ты что, заболел?

Приятели обнялись. Они говорили так громко, что люди, стоявшие в очереди, стали на них оглядываться.

– Ты помнишь, Гарри, пару лет назад я ходил боцманом на «Квакер-Сити»?

– Славная посудина... И что?

– А то, что мы тогда побывали в Европе. И один пассажир описал наше плавание в своей книжке. Эту книжку я и хочу купить, дружище. Ты не представляешь, какое это чудо. Я читал кое-что из неё в «Экспрессе» – едва ни лопнул со смеху...

И тут к приятелям приблизился толстенький господин с тросточкой. И сказал:

– Прошу прощения, джентльмены. Я случайно услышал, что вы боцман с «Квакер-Сити».

– Да, – ответил Билли с достоинством. – А что?

– Не могли бы вы дать мне... автограф?

Тут очередь пришла в движение и в одно мгновение распалась. И Билли, не веря своим ушам, услышал:

– И мне, мистер боцман! И мне!

2. Кто такие «простаки»?

Растерянный Билли Хоккинс расписался на салфетке, потом на открытке с видом Манхеттена, затем на надорванном почтовом конверте. Наконец, взмолился:

– Граждане, помилуйте! Я всего лишь отставной боцман, а не какая-то там звезда. Я и пишу, как курица лапой... Ну, зачем вам мой автограф?

На что толстенький господин ответил:

– Вы же читали эту книгу, пусть и частично? Почему же тогда спрашиваете?

Но от Билли всё же отстали...

Гарри оглянулся. Очередь заметно выросла – за ним уже стояло несколько десятков человек. И к ним непрерывно пристраивались всё новые и новые люди, которых привлекала огромная, в полстены, вывеска – «Марк Твен, «Простаки за границей» и ниже – «доллар за штуку, доллар пятьдесят за две».

– Билли, – взмолился он, – скажи, ради бога, кто такой Марк Твен?

– Эх, приятель, – вздохнул старый боцман. – даже я, прочитавший в своей жизни полторы газеты, знаю это имя...

– Нет, кое-что я слышал, – неуверенно произнёс Гарри.

– Это обычный парень откуда-то с Миссисипи. Говорят, был не то капитаном, не то лоцманом. Пишет о таких же, как

мы с тобой, Гарри.

– Да, ну?

– Вот тебе и ну... Представь, если бы ты поехал тогда, два года назад, в Европу на пароходе.

– Мне трудно представить. Два года назад я возил по Гудзону уголь.

– Но мог бы наняться и на «Квакер-Сити»?

– Мог бы. Да только не нанялся, – согласился Гарри.

– Так вот, если бы нанялся, тоже угодил бы в эту книжку. И удивлялся бы сейчас, как удивляюсь я – до чего всё похоже.

– Выходит, простак это вроде как... мы с тобой, Билли?

– А то!

И Билли засмеялся, снова показав свои прокуренные зубы. А за ним засмеялась и очередь, прислушивавшаяся к их разговору.

3. Старый боцман

И Билли Хоккинс, и его друг Гарри, и все, кто в тот день томился в очереди под жарким июльским солнцем, получили свои книги.

Правда, Хоккинсу досталось всё же больше, чем другим. Под впечатлением «Простаков» он не удержался и написал мистеру Твену письмо. Адреса он не знал, поэтому на конверте значилось: «Марку Твену, тому, что живёт в Баффало и служит в газете «Экспресс». И ниже приписка: «Это тот самый Баффало, что в штате Нью-Йорк, а не какой-то другой».

Как ни удивительно, но письмо дошло. И вскоре мистер Хоккинс получил от писателя ответ, в котором Твен очень тепло приветствовал старого боцмана, назвав его другом.

Расчувствовавшийся Билли Хоккинс написал второе письмо, в котором подробно изложил все обстоятельства своей жизни. И даже попросил совета – не устроиться ли ему на старости лет на портовый склад. Он, собственно, уже ходил проситься, да ему вроде как отказали...

На это Марк Твен ответил, что просить совета в данном случае бессмысленно, поскольку устроиться на портовый склад у Хоккинса всё равно не получилось. Но если мистер Хоккинс готов немного подождать, то Марк Твен попробует ему помочь.

Билли написал, что мистер Хоккинс готов ждать хоть сто лет — даже несмотря на то, что ему уже стукнуло шестьдесят пять, и его вряд ли кто возьмёт на работу. А без работы дело совсем дрянь...

Они переписывались три месяца. Потом Твен посоветовал обратиться в пароходную компанию Миссисипи, где по его рекомендации Хоккинса готовы взять капитаном, поскольку люди с опытом, да ещё такие «морские волки», ценятся на вес золота. И Билли Хоккинс без сожаления покинул Нью-Йорк и переселился в Сент-Луис, штат Миссури.

Их приятельство длилось пять лет — до самой кончины Билли Хоккинса. Заметим, не боцмана, а капитана. Уважаемого человека, которому пусть и на склоне лет, но всё же удалось выбиться и стать почти богатым человеком.

4. Вся жизнь – путешествие

«Простак за границей» были не первой книгой Марка Твена, но первой серьёзной работой, заявившей всему миру – в Америке появился большой писатель.

Ему исполнилось 34 года – возраст, когда в писательской судьбе всё становится на свои места. Если есть в начинающем литераторе дар божий, он обязательно даст о себе знать. Если таланта нет, то ничего уже и не будет... С некоторым запозданием (так считал сам Твен), но он всё же написал свою первую значительную книгу. И Америка, которая уже знала Твена, как блистательного остроумного фельетониста и великолепного рассказчика (Твен очень много выступал с публичными чтениями своих произведений), тут же приняла его в качестве писателя.

Успех был бесспорным и оглушительным. О книге Твена высказывались критики и старшие коллеги по писательскому цеху. В том же 1869 году в бостонском литературном журнале «Атлантик монсли» появилась статья Уильяма Дэна Гоуэлса, признанного гранда американской литературы того времени, романиста и поэта. Гоуэлс высказался недвусмысленно: книга Твена – это именно то, чего так давно ждали читающие американцы, настоящее явление искусства...

Читательские письма, подобные тем, что писал ему старый Билли Хоккинс, привозили Твену мешками. И он, ещё

не привыкнув ко всеобщему вниманию и наслаждаясь успехом, старался отвечать всем. Сильным мира сего – иронично, а иногда и едко. Простым людям – как такой же простой человек, безыскусно и искренне.

Он, безусловно, поймал ту главную тему, которая и привела к «Простакам»... Путешествие! Конечно же – путешествие. Чего ещё не хватает людям, живущим в американском захолустье и страдающим он недостатка впечатлений? А тут – настоящее живое приключение.

Отныне все книги Твена так или иначе будут связаны с путешествиями – в пространстве или во времени.

5. Клерикалы и атеист

Однако, любая большая работа вызывает не только признание и похвалы.

Значительная часть путевых заметок Марка Твена посвящена Палестине и святым для христиан и мусульман местам. Но и эти места Твен описывает, как юморист – легко и с улыбкой. Его улыбка и вызвала возмущение святош...

Скажем прямо, времена были всё-таки либеральные. Если бы «Простак» были написаны и опубликованы сегодня, спустя почти полтора столетия, в нашем в доску компьютеризированном и автомобилизированном двадцать первом тысячелетии, то Твен подвергся бы нешуточным преследованиям со стороны ортодоксальных мусульман. Чего стоит, к примеру, твеновское описание следа, оставленного Пророком на камне. Досталось бы ему и от христианских блюстителей веры, например, за описание гроба Господня, поделённого между конфессиями. Рассказано-то в книге всё в высшей степени убедительно, да... как-то несерьёзно. С легкой иронией (но, заметим, всё же не с издевкой).

Однако, дело ограничилось лишь нападками в прессе, да кое-где запретами книги. Не само страшное, что может случиться с писателем и его книгой (вспомните судьбу Салмана Рушди).

Твен никогда особо не скрывал, что в бога не верит. Более

того, состоявшись, как писатель, Твен не упускал случая высмеять клерикалов. Вот всего лишь одна цитата. Слова, как всегда, предельно точные и беспощадные...

«По меркам нашего нынешнего христианства, каким бы скверным, ханжеским, внешним и пустым оно ни было, ни бог, ни его сын не являются христианами и не обладают качествами, дающими право даже на это весьма скромное звание».

6. Его «миллионы»

Писателю Марку Твену никогда ничего не доставалось просто так. И деньги свои он зарабатывал тяжело. Первая книга «Знаменитая скачущая лягушка» и другие очерки» вышла в мае 1967 года. Она принесла ему известность, но не финансовое благополучие. Чтобы вести жизнь литератора, Твену всегда приходилось много и напряжённо трудиться.

И после успеха второй книги «Простаки за границей» миллионером он не стал. К слову, Твен им никогда и не был, даже в годы наивысшего расцвета своего литературного дара. Деньги поступали от издателей и книжных магазинов, но это были не те средства, что позволяют считать себя состоятельным человеком.

Он объездил всю Америку, читая главы из «Простаков». Мы, конечно, можем лишь вообразить, как читал свои вещи молодой Марк Твен. Но судя по тому, сколько он зарабатывал этими «лекциями» и по откликам в газетах того времени, которые донесли до нас подшивки полуторавековой давности, это были блистательные выступления.

Талантливый человек талантлив во всём. Твен был великолепным оратором и импровизатором. Не от него ли пошла традиция чтения своих рассказов писателями-юмористами?

Впрочем, в Америке второй половины девятнадцатого ве-

ка это самое что ни на есть обычное дело. Звукозаписи ещё не было, радио и телевидения – тем более. А были лишь газеты, журналы, книги. Театры и авторские публичные чтения Диккенса. В декабре 1867 года в Нью-Йорке писатель слышал голос классика английской литературы, посетившего США, и это событие оставило незабываемый след в памяти Твена. И был Марк Твен, один стоивший целого драматического театра.

7. Пополнение в семействе Клеменс

Однако, с чего же всё началось?..

30 ноября 1835 года в семье Клеменсов, жившей в крошечном городке с величественным названием Флорида, что в штате Миссури, на свет появился мальчик, которого называли Сэмюэлом Лэнгхорном. Он был не первым и не последним ребёнком. Третий из четырёх выживших ребят, он стал одним из любимчиков матушки Джейн Лемптон Клеменс. Отец Джон Маршалл Клеменс в те годы перебивался случайными заработками, а потому семья явно не процветала.

Флорида не оставила следа в памяти будущего писателя. Спустя четыре года семья Клеменсов в поисках заработка переехала на берега Миссисипи – в городок Ганнибал... Ох уж эта Америка с её полным отсутствием величественного прошлого. Отсюда и названия городов – Феникс, Санкт-Петербург, Москва. И даже названия целых штатов, например, Джорджия (то есть Грузия)...

Детство юного Сэма Клеменса прошло в Ганнибале. А каким он был тогда – в отрочестве, в возрасте от четырёх до двенадцати лет? Очень подвижным. Любознательным. Предприимчивым. Озорным. И – рыжеволосым.

В книге «Приключения Тома Сойера» в образе главного героя Твен описал себя двенадцатилетнего. Отличия в том, что Сойер из благополучной семьи. Ему не пришлось работать, чтобы прокормить себя, братьев и мать. Отца у мальчика нет (эта тема в книге деликатно обойдена), но Тому при этом не приходится бедствовать.

Похож на Сэма и другой герой Твена – его любимец Гек Финн. Но здесь «перегиб» в другую сторону. Сэм не беспризорничал, не курил (по крайней мере в двенадцать лет), не был таким очаровательным бездельником и оболтусом, как Гекльберри... Разве что в душе? Но в таком случае Твен оставался Геком Финном до глубокой старости.

8. Ганнибал

Читая «Тома Сойера» и в особенности «Гекльберри Финна», мы поражаемся схожести наших детских впечатлений и описанного Твенем быта. Словно и не Америка вовсе. И не первая половина девятнадцатого века... Если вам довелось провести детство в небольшом городке где-нибудь в российской глубинке, то вы непременно обнаружите это сходство.

Дело, конечно, не в каких-то там деталях государственного устройства или в архитектурных особенностях. В этом отношении всё как раз совершенно непохоже (в американских домах даже окна открываются иначе – снизу вверх). Дело в атмосфере. Затхлый воздух неспешной провинциальной жизни. Не происходит ровным счётом ничего. И покраска забора, которую поручают Тому, превращается в грандиозное событие.

По нашим меркам, Ганнибал и тем более родную для Твена (лишь номинально, своей малой родиной Марк Твен считал всё-таки Ганнибал) Флориду городами назвать сложно. Это, скорее, большие деревни – одноэтажные, живущие по неторопливому сельскому укладу. Из промышленных предприятий – пристань да лесопилка...

Но рядом с Ганнибалом течёт великая река. И по этой реке плывут пароходы – туда, в волнующую неизвестность, ко-

торая скрывается за дальним поворотом и обещает необыкновенные приключения.

Ганнибал Твен очень любил. И возвращался туда, уже будучи всемирно известным писателем. Собственно, он и не терял связи с этим городком всю жизнь. В молодости он полагал, что никогда и никуда отсюда не уедет. Разве что ненадолго уплывёт. Но только для того, чтобы потом вернуться.

9. Без отца

Отца будущий Марк Твен потерял в 12 лет. Ещё совсем не старый (ему было чуть больше сорока лет) Джон Клеменс умер от сердечного приступа, оставив супругу Джейн с тремя малолетними детьми на руках. Четвёртый, старший сын был уже достаточно взрослым, чтобы зарабатывать на жизнь самостоятельно. Но и ему едва перевалило за шестнадцать.

Всю жизнь Джон Клеменс отчаянно выкарабкивался из нищеты. Но финансовая пропасть самая бездонная на свете – в неё можно падать всю жизнь. И семья долгие годы балансировала на грани голода. А отец, типографский наборщик по профессии, работал по 12 часов в сутки, чтобы принести домой хоть какую-то копейку.

Осиротевший Сэм тосковал по отцу, хотя при жизни тот постоянно пропадал на работе и дома появлялся только в самом конце дня, когда дети уже спали. Они мало общались. Но всё же главные жизненные заповеди отец сыну передать успел...

В творчестве писателя Марка Твена есть несколько запретных тем. Он никогда не рассказывал о своих отношениях с женщинами (с женой Оливией – она была единственной женщиной в его жизни), о семье, об отце. Но в то же время весь «Том Сойер» и весь «Гек Финн» это и есть рассказ о родительской семье Твена.

Отношение Твена к рано ушедшему отцу проясняет одна байка, которых вокруг писателя бытовало великое множество. Однажды Твен получил письмо от молодого человека, который сетовал на то, что его родители слишком... непонятливы. И Твен написал в ответ: «Потерпите! Когда мне было четырнадцать лет, мой отец был так глуп, что я с трудом переносил его. Но когда мне исполнилось двадцать один год, я был изумлен тем, насколько этот старый человек поумнел»...

При этом уже в четырнадцать лет Сэм Клеменс мог только мечтать о том, чтобы рядом с ним был отец. Пусть и «глупый», но – живой.

10. Ученик наборщика

Осенью 1948 года, спустя без малого год после смерти отца, Сэмюэлу пришлось оставить школу. Семья просто не тянула его обучение – к тому времени кое-какие приработки были лишь у матери. Правда, вскоре старший брат Орайон устроился наборщиком в типографию местной газеты «Миссури Курьер». Но его денег едва хватало на пропитание. Бросив школу, Сэм в неё больше не вернулся, пополнив собой список блистательных американских «недоучек», создавших впоследствии великую литературу...

Сэму было 13 лет, когда он последовал примеру брата и отправился в «Миссури Курьер» наниматься на работу. Мальчика, несмотря на его возраст, взяли – на должность ученика наборщика. Это и были его «университеты».

Денег платили немного, по три доллара в неделю. Но и это уже было кое-что, поскольку после отца остались огромные долги. Незадолго до смерти он купил в рассрочку старенький домишко, в котором семья и поселилась. Деньги Сэма шли на питание, а брат Орайон и матушка расплачивались с банком. При этом Орайон умудрялся ещё и копить. Парня одолевала мечта стать настоящим предпринимателем. Одним из его верных единомышленников, безоговорочно поддерживающих эту безумную в их положении идею, был братишка Сэм...

Только не следует думать, что у Марка Твена не было детства. Было. Но не особенно сытое и не такое беззаботное, как у героя одной из главных книг писателя Тома Сойера.

11. Первая газета

Этот период безотцовщины пришёлся на время становления Сэмюэла Клеменса как юного мужчины. Место покойного отца занял старший брат Орайон, которому Сэм подражал и безоговорочно верил.

В 1850 году Орайон, скопивший немного денег и сумевший взять в банке ссуду (Твен говорил, что взять деньги в банке проще простого, надо лишь убедить банкира, что деньги вам, в общем-то, не нужны), открыл своё дело. Это была газета «Уэстер юнион», которая поначалу очень смахивала на «Миссури Курьер». И та, и другая выходили в Ганнибале. И та, и другая были еженедельниками. Наконец, и та, и другая испытывала жесточайший дефицит материалов. Городишко-то был крохотный и захолустный. И обе газеты писали, в основном, о делах пароходных компаний, да перепечатывали сплетни, доносившиеся из крупных городов восточных штатов США – Нью-Йорка, Бостона, Вашингтона и Филадельфии.

Нужно ли говорить, что Сэм тут же оставил работу в «Миссури Курьер» и перебрался к брату? Правда, первое время денег он почти не получал. Но зато получил повышение по службе, став уже не учеником, а настоящим наборщиком.

В это же время бойкий и любознательный Сэм начал по-

немногу писать. Это были простенькие заметки бытового характера, репортажи о немногочисленных событиях, происходивших в Ганнибале, изредка юмористические зарисовки жизни американской провинции. Ничего, в общем-то, особенного. Но с этих неумелых заметок начался большой писатель.

12. Бостонская публикация

Первые газетные статьи Сэма ничем не выдадут будущего классика американской литературы. Это, скорее, опыты мальчика, который интересуется литературой, но ни в коей мере не стремится стать литератором. Сэм, действительно, и не думал становиться писателем. Журналистом? Да, наверное. Но исключительно для того, чтобы получить возможность путешествовать и содержать себя.

Заметки будущего Твена похожи на школьные сочинения и на устные рассказы жителей американской глубинки. Наивные, смешные, не отличающиеся особым изяществом, но искренние и правдивые.

По совету старшего брата, Сэм решил написать что-нибудь для литературного журнала – испытать свои силы в издании более значительном, чем еженедельная провинциальная газета. Его первым рассказом стал очерк «Франт пугает скваттера», юмористическая миниатюра о нравах, царящих в глубинке. Этот очерк Сэм отправил весной 1952 года в бостонский журнал «Карпет-Бег». И... забыл о нём.

В мае того же года из Бостона пришёл пакет со свежим номером журнала, в котором был напечатан очерк, и чек на десять долларов – первый литературный гонорар будущего писателя.

Орайон был на седьмом небе. Он показывал журнал всем

знакомым и беспрестанно твердил:

– Из него выйдет толк! Вот увидите!

Сэмюэл не спорил, хотя и был уверен, что рассказ получился... так себе.

Ему было всего 17 лет. Он чувствовал, что ему не хватает самых элементарных знаний. И он очень хотел посмотреть мир.

13. Ветер странствий

Осенью 1953 года, вскоре после дня рождения, Сэмюэл объявил, что увольняется из типографии брата.

– Ты с ума сошёл, Сэм! – воскликнул брат Орайон, услышав эту новость. – А как же матушка? А как все мы?

– Знаешь, братишка, мне кажется, что я больше проедаю, чем зарабатываю, – признался Сэм.

И добавил:

– Не думай, что я бегу от тебя. Просто мне нужно понять – кто я, и чего хочу.

Орайон расстроился. Но потом, поразмыслив, сказал:

– Знаешь, ты прав. Езжай, куда хочешь... Но ты должен дать мне слово – ты останешься корреспондентом моей газеты.

– Этого ты мог бы и не говорить, – буркнул Сэм. – Куда я от тебя денусь, братишка?..

Попрощавшись с матерью и не сумев её успокоить, Сэмюэль сел на пароход и отправился туда, где ещё ни разу в жизни не был – вниз по Миссисипи.

За четыре года он объездил всю Америку. Жил в Сент-Луисе, в Нью-Йорке, в Филадельфии. Менял города и штаты. Работал в типографиях наборщиком (ничего другого Сэм в то время делать и не умел). И – учился, учился, учился.

Он изучал людей, впитывал рассказы опытных журнали-

стов. Пропадал в библиотеках (в нью-йоркской, по его собственному признанию, «почти поселился»). В Цинцинатти Сэм сдружился с типографским рабочим МакФарлейном. Человек начитанный, интеллигентный, этот шотландец поразил Сэмюэла своими познаниями. И юноша с удвоенным интересом берётся за изучение исторической и естественно-научной литературы. Учебники он читает запоем – словно это популярные романы.

14. Заметки со всего света

В эти годы брат Орайон регулярно получает от Сэма почтовые конверты с исписанными листами бумаги внутри. Это путевые очерки, юмористические рассказы, статьи по самым разным темам.

О, это уже не тот мальчик Сэм, что царапал по бумаге изгрызенным карандашом, выдавая слабые и очень неровные газетные статейки, в которых неприкрытое подражание знаменитым журналистам заменяло собственный стиль. Это уже были собственные статьи Сэма – ироничные, точные, смешные и очень живые. Иногда попадались и настоящие шедевры. Орайон давал их на первой полосе. Родство с владельцем газеты он прикрывал псевдонимами, придумывать которые Сэм был большим мастером.

Впрочем, иногда Сэмюэл надолго умолкал. Потом конверт приходил снова – толстый, с несколькими рукописями сразу. И с пространным письмом, из которого Орайон узнавал, что Сэм снова сменил место жительства и отправился на этот раз в Айову, чтобы «хлебнуть пьянящего воздуха Америки»...

Однажды старший брат получил совсем странное письмо. Точнее, он почитал его странным, а матушка Джейн – чудовищно безответственным. Сэм писал, что отправляется в Южную Америку, которую намерен исколесить вдоль и по-

перёк. И что дело это решённое. И матушка пусть не беспокоиться, поскольку ничего с ним случиться не может, а дикие звери Амазонии американцев не едят в принципе, потому совершенно неопасны.

В это путешествие Сэм Клеменс решил отправиться морем из Южного Орлеана. Он распродал весь свой нехитрый скарб, отдал ключ от каморки в Цинцинатти, где тогда жил, хозяйке дома. И на перекладных, где поездом (значительно реже, поскольку железные дороги только строились), где на дилижансе (большей частью), двинулся на юг. По дороге он хотел заглянуть в Ганнибал повидать матушку и братьев.

15. Лоцман Биксби

Рыжеволосый коренастый человек с огромной трубкой во рту стоял, широко расставив ноги, перед дилижансом и ругался, на чём свет.

– Чер-р-ртов возница! – гремел он. – Да тебя за это колесо четвертовать надо! Знаешь, что с такими делают на Миссисипи? Топят, как слепых котят! Ты же не один едешь, дубина. Ты людей везёшь...

Возница помалкивал, возясь с отвалившимся колесом, пытаясь приладить его обратно. Ему помогал молодой долговязый парень.

При упоминании Миссисипи парень замер. Потом обернулся и спросил:

– А вы сами с Миссисипи, сэр?

– Откуда же ещё? Оттуда...

– Я тоже, сэр, – улыбнулся парень.

Он вытер о полу куртки испачканную дегтярным маслом руку и протянул её рыжебородому.

– Сэм Клеменс. Из Ганнибала.

– Ха! – вскричало чудовище. – Я тоже оттуда! А куда направляешься?

– В Новый Орлеан, сэр. Хочу сесть на пароход и попасть в Бразилию.

– В Бразилию? А чего ты там не видел?

– Бразилии, сэр.

– Лоцман Хорэс Биксби, – сказал он, сбавив тон.

Рыжеволосый присел у несчастного колеса. Потом достал кисет, набил трубку и протянул кисет Сэму.

– Угощайся, малыш... А что, давно ты был в Ганнибале?

– Давно. Соскучился ужасно.

– Какого же тогда едешь в эту свою Бразилию? Мать-то, наверное, заждалась уже?

– Заждалась, сэр... Но мне так интересно посмотреть новые места.

– Реку ты, конечно же, уже всю посмотрел?

– Миссисипи? Нет, совсем ничего не знаю.

– А это ничуть не хуже Бразилии, малыш. Уж поверь мне.

– Вы там бывали?

– Тысячу раз. Бразилия, штат Иллинойс. Деревянная пристань и банка рядом со стремниной. Смерть чужим пароходам, – ответил Хорэс Биксби, и захохотал так, что четвёрка лошадей, мирно щипавшая травку, от испуга едва ни присела.

16. Бедный Генри

Решение созрело моментально. Не доехав до Нового Орлеана, Сэм последовал за Биксби и, сам того не ожидая, оказался дома.

– Наконец ты вернулся! – сказал брат Орайон, обнимая Сэма. – И в самое время, ибо газета дышит на ладан.

– Да, да, – ответил Сэмюэл, – разумеется... Только я сейчас с лоцманом Хорэсом Биксби. Нанялся к нему в ученики.

И, заметив, что брат нахмурился, добавил:

– Но я буду писать, как раньше, братишка. И газету ни в коем случае не оставлю.

– Ладно, – проворчал старший брат. – будешь хотя бы у матушки на глазах... Блудный сын...

И началась новая жизнь. Рано утром Сэм поднимался ни свет, ни заря и бежал на пристань, где его уже ждал старый лоцман (на самом деле вовсе не старый, просто Сэмюэл был ещё очень молод, но все, кому было за тридцать, казались ему стариками). Они поднимались на борт парохода и вели его вверх по Миссисипи. А потом сходили на берег и ждали парохода сверху, чтобы провести его до Ганнибала.

Река в этих местах была извилистая, изобилующая опасными отмелями и порогами. Сэму приходилось штудировать карты лоции назубок – как того требовал Биксби. Поначалу Сэму придиричивость учителя казалась чрезмерной. Но вско-

ре он на своём горьком опыте понял, какова цена ошибки лоцмана.

В июне 1858 года Ганнибал потрясла весть о разбившемся пассажирском пароходе «Виктория», наскочившем на полном ходу на отмель. Пароход вёз пассажиров из Сент-Луиса. Столкновение было настолько сильным, что корпус судна раскололся надвое, а гребное колесо разлетелось в щепки. Пароход затонул в течение пяти минут. Многие люди, спавшие в этот момент в каютах нижней палубы, не успели выбраться на верх. Среди погибших оказался и Генри Клеменс, младший брат Сэма, возвращавшийся домой из колледжа в Сент-Луисе, где он учился.

17. Лоцман-корреспондент

Много раз Орайон пытался начать этот разговор и... беспомощно умолкал. Он знал, что ответит Сэм. Совсем недавно, когда Орайон и сам был ещё почти ребёнком, они сидели рядышком на дощатом настиле пристани, смотрели на проходящие мимо пароходы и говорили друг другу о том, что самое главное в их жизни – «познать великую реку».

Когда Орайон всё же подходил к Сэмюэлу и пристально на него смотрел, тот словно чувствовал, доставал из-за пазухи стопку мятых исписанных листов бумаги и протягивал брату. Это были очерки жизни городов Миссисипи. Дневники ученика лоцмана, в которых описывались самые величественные, самые красивые корабли реки. Это были, наконец, великолепные, профессионально написанные газетные материалы...

Как признавался Марк Твен, эти годы лоцманской школы были самыми счастливыми в его жизни. Ему казалось, что исполняется мечта всей его жизни. Он же не писателем хотел быть, а – капитаном.

Лоцман – больше, чем капитан. Это капитан над капитанами. У лоцмана нет своего парохода. Он поднимается на палубу судна и становится его капитаном. А настоящий капитан рядом, уступает место лоцману, прислушивается к каждому его слову.

Вечерами, когда голова гудела от усталости, а ноги могли лишь дотащить разбитое тело до кровати, Сэм заставлял себя садиться за стол, зажигал лампу, доставал карандаш и бумагу. И – писал.

В апреле 1859 года Сэм получил свидетельство лоцмана. Ровно два года он водил по Миссисипи корабли наравне со своим учителем Хорэсом Биксби. И учитель им гордился – из Сэма Клеменса получился великолепный лоцман, настоящий знаток этого многотрудного дела.

Но и писательства Сэм не оставлял. В эти же годы его рассказы печатали два издания Нового Орлеана – «Полумесяц» и «Тру-Дельта».

18. Юг и Север

А в воздухе уже пахло войной – той самой гражданской войной, что на годы расколола Америку на Север и Юг, превратив сограждан этой страны в непримиримых врагов...

Политические взгляды молодого лоцмана и газетного репортёра Сэмюэла Клеменса (под своим именем он не публиковался, выдумывая многочисленные псевдонимы) можно было бы назвать расплывчатыми, если бы ни одно но... Дело в том, что у Сэма в то время попросту не было каких-либо политических взглядов.

Он занимался любимым делом – водил по реке пароходы, помогая капитанам преодолевать коварные отмели Миссисипи. Иногда писал газетные очерки и статьи, помогая старшему брату и подрабатывая в других изданиях. Но он почти ничего не знал о конфликте вокруг прав чернокожих.

Сам он никогда не имел прислуги, следовательно чернокожих рабов ни коем образом не притеснял. Жилось ли им плохо? Сэм не знал. На другом берегу реки, в штате Иллинойс, рабства не было вовсе. Но Сэм не слышал, чтобы неграм там жилось намного лучше, чем здесь, в Миссури. И рабы не особенно бежали за реку. Раз или два бывало, но на поверку причиной оказывалось не рабство, а что-то другое – воровство, обвинение в тяжком преступлении.

Позже, когда писатель Марк Твен напишет лучшую свою

книгу «Приключения Гекльберри Финна», его обвинят в расизме. Дескать, он неуважительно высказался в адрес чернокожего Джима. Но это слова не Твена, а Гека. И ничего неуважительного в этих словах нет...

Впрочем, для того, чтобы начать очередную бойню, людям вовсе не нужны веские причины. Хорошо, подвернулось рабство. Иначе пришлось бы воевать за что-нибудь ещё.

19. Гражданская война

Любая война состоит из человеческой крови и патриотических лозунгов. Весной 1861 года крови Сэмюэл Клеменс не увидел. Основные события разворачивались восточней Миссури, а сюда лишь докатывались трескучие заявления политиков.

Власти обращались к американцам с пламенным призывом вступать в ряды армии – в данном случае южан. Главный аргумент – защитим свою родину. Хотя, кто, собственно, нападал? Речь шла о праве собственности одних людей на жизнь других, то есть о законности рабовладения. Соответственно, о сложившемся жизненном укладе, о процветании (хотя, дело было уже в элементарном выживании, рабовладельческий юг стремительно деградировал) сельскохозяйственных районов Америки.

Но подавляющее большинство граждан южных штатов никаких рабов не имело. А те, что жили в крупных городах, рабов и в глаза не видели. Что же касается плантаций хлопчатника и маиса, то Сэм наблюдал их лишь с палубы парохода, когда проплывал мимо. Уж он-то сельских хозяином не был точно. И его брат. И мать. И друзья.

Но как сильна пропаганда... Сэм заявил домашним – надо защищать родину от янки! Не время сейчас водить по реке пароходы, тем более что с началом войны перевозки попро-

сту прекратились.

На что старший брат Орайон сказал:

– Ну, и дурак же ты, Сэм. Сам в газеты пишешь и сам же веришь тому, что в них написано.

Впервые в жизни он назвал Сэма дураком. И Сэмюэл обиделся.

Но вскоре, увидев то, что ему довелось увидеть той весной, Сэм написал брату: «Как же ты был прав. Я – полный идиот! Но больше на эту уловку я не поддамся... Напиши, что делать, Орайон!».

20. Ополчение

Его война длилась всего две недели. В апреле 1861 года Сэм Клеменс отправился на призывной пункт. Договора о годичной службе ему не выдали, поскольку в кассе вербовочного пункта не было денег (жалованье выплачивалось на месяц вперёд). Поэтому его направили в добровольное ополчение, из которого можно было перевестись в регулярную воинскую часть и получать приличные деньги. Либо... воевать бесплатно...

Но воевать-то вроде бы никто и не собирался. Прибыв в расположение части, Сэм был неприятно поражён. Разнородная, кое-как одетая толпа нетрезвых людей – вот кого он увидел в этом ополчении. С утра до вечера по лагерю шатались подвыпившие небритые люди. Некоторые были вооружены (оружие до поры не выдавалось, но ополченцы брали из дома своё собственное).

В казарме играли в карты. Проигравшиеся затевали ссору, зачастую заканчивающуюся мордобоем и даже стрельбой. Командования, по сути, не было. Нельзя же назвать командирами кучку спившихся отставников, на которых старая армейская форма сидела, как женский корсет на пузатом ковбое.

В отчаянии Сэм написал брату письмо. И получил совершенно неожиданный ответ. Орайон приглашал его в Неваду,

куда был назначен помощником губернатора (или Секретарём) самим... президентом Линкольном!

Сэм отправился к своему командиру.

– Сэр, – сказал он. – Я искренне хотел отдать свою жизнь святому делу Конфедерации. Но меня переманила вражеская сторона. Когда я могу покинуть пределы части?

В ответ раздалось нечленораздельное мычание. Лейтенант был вдребезги пьян.

21. Невада

- Орайон, когда мы выезжаем в Неваду?
- Как только я закончу дела с газетой.
- А что я буду делать?
- Ничего особенного – помогать мне.
- Ты, стало быть, секретарь губернатора, а я?
- Секретарь секретаря.
- Или секретарь в квадрате?
- Точно...

Орайон сидел в своей конторке и подсчитывал убытки, которые в последние месяцы принесла ему газета «Ганнибал джорнел» (к тому времени газета Клеменса сменила название). Он решил на время закрыть газету, поскольку особых перспектив не просматривалось – во время войны людям были нужны многие вещи, но не развлекательная воскресная газета.

Собрав вещи, они погрузили их в повозку, запряженную парой лошадей. Попрощались с матушкой, заверив её, что ни в коем случае не станут вмешиваться в какие-либо военные действия, даже напротив, будут объезжать их за десять... нет, за двадцать миль стороной. И тронулись в путь – к ближайшей железнодорожной станции.

Как они и рассчитывали, по пути им не попалось ни одного воинского кордона. Война, уже бушевавшая на востоке,

сюда, в сердце Америки, ещё не докатилась.

Территория Невады, так называлось в те годы это неопределённое образование, было малозаселённой частью на западе США. Несколько месяцев назад это был штат Юта. Но в начале марта 1861 года Невада отделилась и готовилась стать полноправным 38-м штатом Америки (это произошло 31 октября 1864 года).

Это была земля шахтеров и старателей. Земля, где правили республиканцы, в отличие от примыкающей Калифорнии, которая сочувствовала конфедератам.

22. Серебряный прииск

Девятнадцать дней они колесили по Неваде, знакомясь с людьми и осматривая шахтёрские посёлки. Необыкновенное место. На севере горы, вершины которых блистают вечными снегами. На юге песчаная пустыня Мохаве. Не штат, а целая планета...

Заехали в городишко Карсон-Сити, который ещё был крошечным рабочим посёлком. Но что тут творилось... Посёлок рос, как на дрожжах. Со всех штатов сюда стекались люди – в окрестностях Карсона нашли серебро. Его обнаружил старатель Кит Карсон, в честь которого этот городок и получил своё имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.